

Г. Г. Коломиец¹

СМЫСЛ «ЭСТЕТИЧЕСКОГО» В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МИРА

Пьер Булез, французский композитор авангардного направления, выступавший против рутинных оперных постановок и написавший в связи с этим статью с дерзким названием «Взорвите оперные театры!», приводил слова идеолога сюрреализма Андре Бретона: «Простейшее сюрреалистическое действие состоит в том, чтобы выйти с револьверами в руках на улицу и не глядя расстреливать толпу, сколько будет возможно»². К этому можно вспомнить слова известнейшего поэта Гийома Аполлинера о том, что сегодня нам безобразное нравится так же, как и прекрасное. Шокирующие признания и предвидения. На мой взгляд, когда мы узнаем о чудовищных злодеяниях, то стоит задуматься над присутствием и действием в нашем цивилизационном мире, в котором подчас размываются границы между воображением и реальностью, эстетического компонента со знаком отрицательного, совершенно безобразного. Сразу замечу, что статья не сводится к осуждению безобразного, а обращена к тому, чтобы поразмышлять над тем, почему человеческое лицо своей «звериной стороной» и любопытством к «телесному» ищет удовлетворения. Здесь открывается большое

поле для обсуждения, но одну мысль о ценности «эстетического» выскажу сейчас.

Эстетизм, как правило, строился на противопоставлении по отношению к логосу. Древнегреческий «эстетизм», означающий ощущение, чувственное восприятие, то есть способность человека распознавать формы бытия на основе органов чувств, интеллекта и эмоциональной реакции, указывал на человека как микрокосма, переживающего радость бытия, чувственную связь с космосом, природой. Современное понимание эстетического как совершенного вообще и совершенного в своем роде, где совершенство выступает отнюдь не всегда в позитивном качестве, или понимание эстетического как ценностного отношения человека к миру (на основе различения ценностей и антиценностей) указывает на то, что прав был Фридрих Ницше, который сказал, представляя трактат «Рождение трагедии из духа музыки», что существование мира может быть только и оправдано как эстетический феномен, точнее «только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности»³. При этом символическое выражение эстетики жизни Ницше видел в двух противоположных мироощущениях, прорывающихся из самой природы, — аполлонического и дионисического. Так вот — наш мир и есть эстетический феномен.

Потребность в остроте эстетического переживания, порой на грани жизни и смерти, прекрасного и трагического, особенно ощущается в наш век. И не случайно. Слишком свободно современный человек

¹ Профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Ценность музыки: философский аспект», «Искусство как способ быть в мире или к вопросу о коммуникативной функции искусства», «Функции музыки в социуме», «О роли искусства в контексте диалога культур», «От либеральных к наднациональным ценностям в современном культурном пространстве», «Философия искусства: о творчестве, творческом процессе и вдохновении», «О тенденции сближения научного и художественного способов познания» и др.

² Boulez P. Musikdenken heute. Mainz, 1963. S. 19.

³ Ницше Фр. Рождение трагедии из духа музыки. М., 2004. С. 73.

почувствовал себя творцом, потому что совершается восхождение человека творческого и творящего на всечеловеческий подиум в свете современных цивилизационных и глобализирующихся процессов. Произошел переход от человека гармоничного, вписывающегося в космологическую «картину мира» (Античность), от осознания того, что человек — творец самого себя в смысле нравственного совершенства (Возрождение), человек — творец культуры (Новейшее время) к представлению «человека творческого», почти свободного творца, строителя новой, очередной «картины мира» XXI века. Человек творческий свободно экспериментирует с живой природой, самим человеком, искусственно, с помощью науки эстетизирует тело и душу или оживляет машину. Он не просто жаждет участвовать в творении мира, он уже участвует в творческом процессе космического масштаба.

Примером осмысления глубокого вхождения «эстетического» в научное знание и стиль жизни послужила состоявшаяся в 2012 году в Москве I Международная научно-практическая конференция под названием «Научное искусство» (“Science art”), организованная тремя факультетами Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: химическим, биологическим и философским (кафедра эстетики). В конференции приняли участие 179 ученых и художников из 19 стран. Обсуждались многие вопросы: проблема соотношения искусства и науки, их взаимовлияние и возможный симбиоз; философско-эстетические и биоэстетические основания научного искусства; культурологические, искусствоведческие, психологические и другие междисциплинарные связи в области научного искусства; новые технологии в актуальном искусстве и дизайне; становление современной алгоритмической эстетики и др. Пожалуй, самым спорным вопросом стал вопрос сближения или несближения научного и художественного способов познания, взаимодействия логоса и эстезиса.

Художественные изменения выразительных форм искусства XX века и самого языка современного искусства, допускающего сочетать, казалось бы, по смыслу «несочетаемое», усиливающаяся тяга к творческим перформансам с использованием современных технологий указывают на тенденцию сближения двух форм познания — научного и художественного. Расширение границ искусства, в том числе и интертекстуального, множественного прочтения и интерпретаций искусства становится нормой, так же как и расширение границ научного знания, которое находится в поисках новой картины мира, открытия новых микро- и макромиров. В ускоряющемся процессе глобализации наблюдается сближение разных системообразующих принципов, указывающих на модальные изменения в антропосоциогенезе.

На характерное сближение в человеческом сознании и деятельности научной и художественной форм познания указывает и расширяющееся проблемное поле эстетики, включающей как эксплицитную эстетику (научно-философскую с присущей ей методологией и системой понятий, элитную науку о неутилитарном, ценностном отношении к явлениям мира), так и им-

плицитную эстетику и дизайн, основанные на непосредственных эмпирических данных и функциональном назначении вещей.

Научная и художественная формы познания являются способами духовно-практического освоения действительности. Однако их функциональность различна: в искусстве преобладает эстетическая функция, в науке — логическая, наука нацелена на обеспечение жизнедеятельности, на продвижение цивилизации. Вместе с тем и искусство, и наука имеют целевое самодвижение вверх и вперед, расширяя проблемное поле творческого человеческого пространства. Заметим, что и в науке, и в искусстве необходимы игра расудка и воображения, присутствие эстетического опыта. Художественный способ познания осуществляется посредством актуализации образного, внелогичного мышления, силой воображения, интуиции. В научном познании преобладают рациональность, логическое мышление. Вместе с тем сегодня в искусстве приветствуется и доминирует конструктивный тип творца, а в науке ценится интуитивное озарение, ведущее к конкретному результату. В постмодернистский период нехарактерной стала бывшая оппозиция игрового и функционального начал. Игровое, неутилитарное и функциональное практическое стали равноценными ценностями в искусстве и в жизни.

Однако сегодня и в науке, и в искусстве более всего мы ценим не умение, мастерство, а творческую идею и адекватное ее воплощение, новизну и актуальность, сам творческий процесс. Ценим человека творческого, способного к удивительным открытиям, нашедшего индивидуальное нестандартное решение в лабиринтах новизны. В искусство вторгаются, с одной стороны, научное знание, с другой — атрибуты художественного освоения мира (специфической формы познания), такие как вдохновение, волеустремление и самоизживание художника, близкие ученому в акте творения, созидания. Творческий процесс, на наш взгляд, есть: 1) событие разверзания истины в актах сцепления логического, рационального и внелогического, интуитивного; 2) ответ на «призыв» самоидентификации человеческого рода, космического принципа бытия; 3) напряжение человеческого разума, озарение, вдохновение как панпсихологическое свойство сознания. Вдохновение — это отнюдь не эмоциональное волнение, эмоции лишь сопутствуют вдохновению. Вдохновение — это полетное стремление идеи воплотиться в процессе, воля к «открытию», раскрытию и рождению нечто сущностного. Здесь действует «энергия», несущая информацию, которую автор не может не принять. Творец, одержимый идеей, вдохновением, словно ищет «место» нарождающемуся творению. Вдохновенное искусство и почти вдохновенная наука занимают свое место в ценностях человеческого духа. Вдохновение выступает «ин-форма-ционной» связью между иррациональным, интуитивным, бессознательным и рациональным, сознательным. В творении совершается со-бытие «не-сокрытия» или «разверзания» истины эстетически существующего и воспринимаемого бытия.

Тенденция взаимодействия научной и художественной форм познания способствует прорыву

в постижении бытия космического, человеческого, имеет всеобщее значение в диалоге культур. В искусство вводятся новые технологии, согласуясь с той или иной творческой идеей, которая может рождаться путем долгих поисков сознанием, чисто умозрительным экспериментом, полезным самим по себе и готовящим почву для подлинного человека-творца. Новации вторгаются в традиционное мышление, подчас разрушая привычные представления, гипотезы и теории. В актах становления «картин мира», приращивания социокодов культуры и цивилизации содержится созидательный смысл. Эстетическое пронизывает наш мир куда более сильно, чем представляется рациональному сознанию, недооценивающему силу эстетического. Эстетическое как прекрасное осмыслялось в истории философии, следуя представлению иерархического восхождения от красоты тела к красоте души, нравов, к прекрасным искусствам и наукам, наконец, к эстетической идее как таковой в высшем смысле и высших духовных смыслах явленного мира. Эстетическое как самостоятельная категория эстетики XX века, вбирающая комплекс взаимосвязанных эстетических ценностей и их антиподов, является выразителем феноменально противоречивого мира.

Согласно В. С. Степину, бытие человека определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его «неорганическое тело»¹. Под «неорганическим телом» подразумевается «продолжение» человеческой телесности посредством орудий труда, «тело цивилизации», когда в историческом процессе в производственной деятельности создаются функционально пригодные формы бытия. В этом процессе эстетическое как ценностное отношение к миру, выражающее тяготение к совершенному, одной стороной обращено к биологическому телу человека, а другой — к «неорганическому телу человека», сотворе-

нию полезных вещей — к эстетике дизайна. В расширяющемся пространстве неорганического тела цивилизации растет востребованность в дизайнерской деятельности, падает интерес к классической эстетике, ориентируемой на красоту духовную, прекрасное в искусстве, метафизический смысл красоты. Более привлекательны физическая красота и все, что связано с биологическим телом человека. Складывается впечатление, что эстетика, и особенно биоэстетика, вопиет, кричит, хочет быть услышанной под натиском «неорганического тела».

Трагикомическая ситуация (в смысле большой человеческой иронии) современного цивилизационного мира заключается не в противопоставлении двух тел — природного биологического тела человека и тела цивилизации, а в их вращении. Отсюда и сближение двух форм познания: научной и художественной, подчас псевдо- или околохудожественной. С одной стороны, неорганическое тело, новые технологии жизни внедряются в биологическое тело — идет поиск продолжения жизни красоты телесной. С другой стороны, человеческое тело наслаждается неорганическим телом и не очень озабочено сохранением этой самой жизни. Смысл эстетического видится в стремлении к сбалансированному сочетанию аполлонического/дионисического, прекрасного/безобразного, возвышенного/низменного, поэтического/прозаического, музыкального/дисгармонического в современном образе жизни, когда эстезис и логос не были бы противопоставлены друг другу, когда коммерческие интересы брендов неорганического тела и извращенные страсти не поглотили хаосом формы человеческого бытия. Образно говоря, если вообразить весь цивилизационный глобализирующийся мир как большой симфонический оркестр, то эстетическое начало выступает в роли дирижера, задача которого — донести смысловое прочтение творения до всех участников творческого процесса.

¹ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 20.